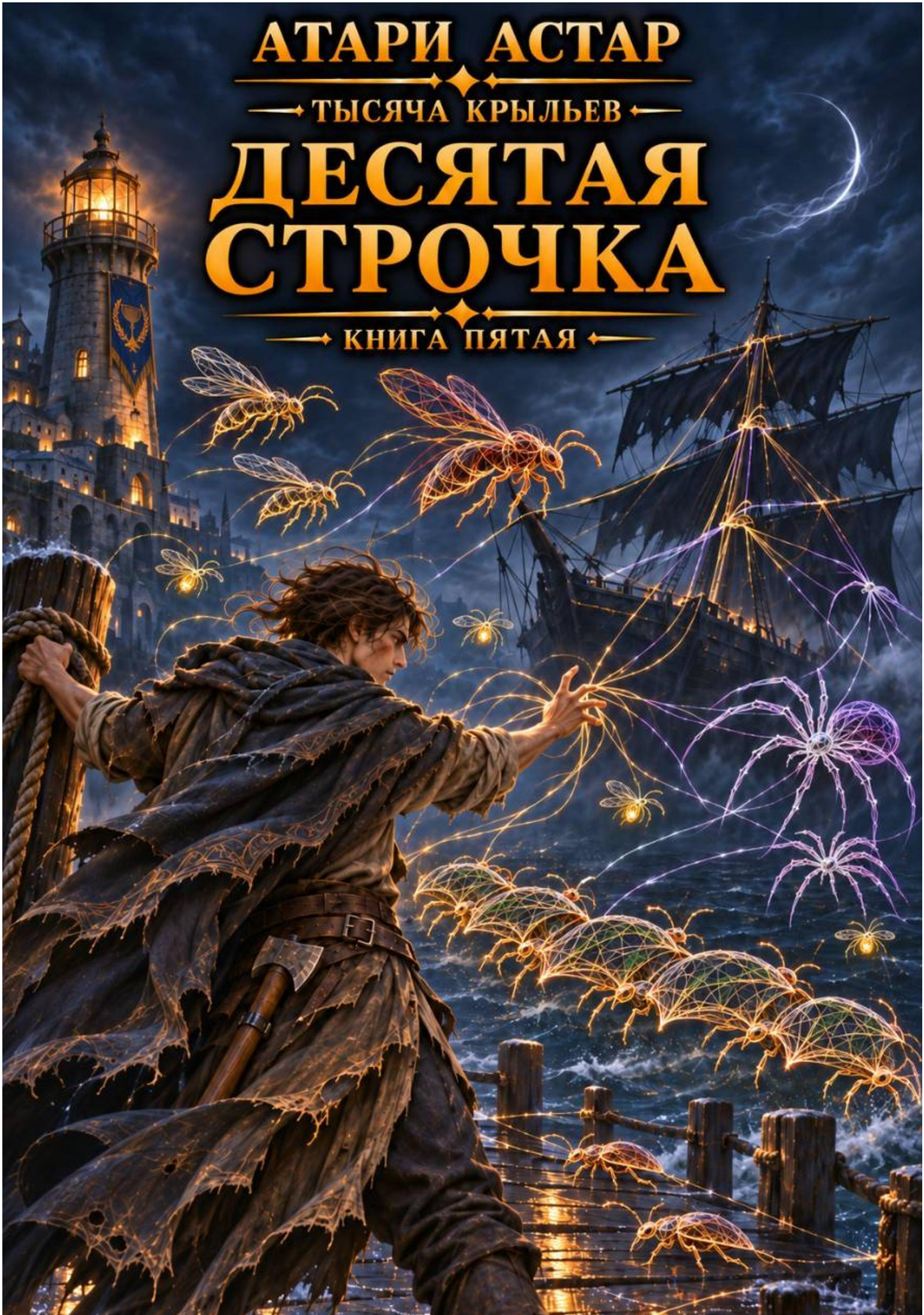

АТАРИ АСТАР
ТЫСЯЧА КРЫЛЬЕВ
ДЕСЯТАЯ СТРОЧКА
КНИГА ПЯТАЯ

Атари Астар

Десятая строчка

«Тайниковский»

2026

Астар А.

Десятая строчка / А. Астар — «Тайниковский», 2026

Я победил в Турнире Семи Холмов. Добился императорского указа. Остановил то, что годами считалось нормой.Детей больше не будут превращать в топливо для магических фонарей.Казалось бы, победа.Только вот фонари начали гаснуть. Города погружаются во тьму, приближается зима, а люди, которых я спас от страшной правды, теперь требуют вернуть им свет. Любой ценой.И это лишь начало.На юге появились корабли под чёрными парусами. Старые тайны возвращаются вместе с теми, кто должен был остаться в прошлом. А мои насекомые, сплетённые из магических нитей, могут оказаться единственным оружием против врага, которого не остановить обычной силой.Я всего лишь лесоруб. Я умею рубить деревья, держать слово и плести своих жуков.Но если ради света снова придётся жертвовать детьмиЗначит, я найду другой способ зажечь фонари. Даже если ради этого придётся бросить вызов целому миру.

© Астар А., 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1. Ведро 6
Глава 2. Фонари 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Атари Астар
Десятая строчка

ТЫСЯЧА КРЫЛЬЕВ

Глава 1. Ведро

Грета Пайк смолила ведро три дня.

Я просил одно — простое, дубовое, на шесть клёпок, такое, чтобы донести с колодца и не облиться. Грета посмотрела на меня с Дёгтевой пристани, сквозь чёрный дым котла, и спросила:

— Кому?

— Лоцману, — ответил я. — С южного побережья. Я ей разбил ведро в Чаше.

— Лоцману, — повторила смолильщица и сплюнула в реку. — Лоцману простое не дают. Лоцман по ведру судит, что за люди на мосту.

И три дня смолила.

Я приходил на пристань каждое утро. Смотрел. Ведро стояло на камне у котла — сначала голое, светлое, пахнущее свежим дубом. Потом — в первом слое смолы, тонком, медовом. Потом во втором. В третьем. Грета мазала его широкой кистью из конского волоса, ждала, пока застынет, и мазала снова. Изнутри — тоже. По швам между клёпками — особенно. Обручи — железные, новые — она проковала сама, у соседа-кузнеца, и обмазала тоже, чтобы не ржавели в солёной воде.

На четвёртый день ведро было тёмным, гладким, тяжёлым. Блестело на солнце, как спина у мокрого тюленя.

Грета налила в него воды из реки. Поставила на камень. Мы сели рядом и смотрели.

Ни капли.

— Вот, — сказала Грета. — Теперь не стыдно.

— Сколько?

Смолильщица посмотрела на меня. Долго. Сквозь дым.

— За то, что ты в Чаше сделал, — проговорила она, — нисколько, — и отвернулась к котлу. — Мой брат двенадцать лет на юге. В копях. Устойчивый, — Грета помешала смолу. — Вернулся в прошлом месяце. Худой, как жердь. Ничего не помнит, кроме счёта до семи. Но вернулся, — она не оборачивалась. — Иди, лесоруб. Пока я не передумала.

* * *

Ведро уплыло на юг с баржей Кирта Ольма. В трюме, между мешками с овсом и бочками истмарского пива. Я привязал к ручке записку. Иса сказала — подпиши как следует, по-гильдейски, теперь ты победитель Турнира и не можешь писать «лесоруб» на ведре.

Я написал: «Дагмар Вейл, „Синяя волна“, южное побережье. Долг. Смолёное. Т., Седьмая Опора».

Иса посмотрела на записку. Вздохнула.

— Хотя бы «Т.», — пробормотала она.

* * *

Осень на мосту пахла яблоками.

Не нашими — нашим яблокам взяться было неоткуда. Яблоки везли с верховьев на плоскодонках, горами, красными и жёлтыми, и плоскодонки стояли у Рыбной пристани по три дня, пока их не раскупали. Пахло так, что Лейн ходил вдоль причала кругами, как кот вокруг рыбы, и Пип с Тоби ходили за ним, и все трое возвращались с карманами, полными падалицы, которую продавцы отдавали даром.

Мы вернулись на мост в конце лета. Прошёл месяц. Я ещё не привык.

Не к мосту. К тому, как на меня теперь смотрели.

Раньше на Рыбном рынке меня знали как лесоруба из-под моста. Того, что с жуками. Того, кто на складе у Греты разогнал крыс. Того, кто чинил баржу Кирту и не взял денег. Торговки кивали. Мальчишки бегали за мной, чтобы посмотреть на жуков.

Теперь — смотрели иначе.

Победитель Турнира Семи Холмов. Из Истмара. Впервые за двадцать пять лет. Впервые после Варда. Строчка на бронзе в Аэвене — рядом со строчкой Варда.

Торговки кланялись. Не кивали — кланялись. Мальчишки за мной больше не бегали. Стояли в стороне и смотрели. Мужики у пивной на углу замолкали, когда я проходил, и снова начинали говорить, когда я сворачивал за угол. Я слышал — о чём.

О фонарях.

* * *

— Тридцать четыре, — сказала Иса.

Счетовод сидела за столом в общей комнате, перед раскрытой книгой. Не той — книгой гильдии, которую вела для Седьмой Опоры. Новой. Толстой, в коже, с медными уголками. Палата прислала её вместе с бумагами о великой гильдии: «Книга счёта гильдии великой».

Иса её ненавидела. Говорила, что в ней слишком много граф и слишком мало смысла. Но вела.

— Тридцать четыре чего? — спросил Сорен. Разведчик сидел на краю стола, болтал ногой и чистил яблоко ножом. Длинной спиралью, не обрывая.

— Фонарей, — ответила Иса. — В Аэвене. Из ста. Погасли, — она перевернула лист. — Гаррик пишет. Он считает по Нижнему городу. В Кедровом — сорок. На Золотом холме — двенадцать, потому что Орре успели запастись хэлмом до указа. В Зерновом — пятьдесят один.

Сорен перестал чистить яблоко.

— Из ста — пятьдесят один?

— Половина Зернового квартала по вечерам сидит в темноте, — продолжила счетовод. — Пекарни топят дровами. Дрова подорожали втрое, — она провела пальцем по строчке. — Гаррик пишет: «Тётя поёт громче. Дети спят у решёток — там тепло. Взрослые туда не пролезают».

Я стоял у окна. Смотрел на реку.

— Белый хэлм кончается, — произнесла Иса. Не мне — книге. — Старые запасы. Резали из того, что успели напилить до указа. Ещё месяц. Может, два. Потом — всё.

— Зимой, — понял Сорен.

— Зимой, — согласилась Иса.

* * *

Я знал, что так будет.

Не знал — сколько. Не знал — как быстро. Но знал. Ещё в Хэлме, на нижнем горизонте, когда Кассиан смотрел на ящик с надписью «Белый хэлм. Высший сорт. Казённая поставка. Служба Наполнения. Аэвен» и говорил: «В каждом фонаре Аэвена».

Каждый фонарь в Аэвене горел ребёнком у соляного столба.

Я попросил, чтобы детей больше не брали. Император даровал. Ферн выбил. «Исполнено».

И фонари начали гаснуть.

— Это не твоя вина, — тихо сказала Иса, глядя на меня поверх книги.

— Я не говорил, что моя.

— Ты стоишь у окна, — заметила она. — Ты всегда стоишь у окна, когда думаешь, что виноват.

Сорен доел яблоко. Бросил огрызок в реку через открытую дверь на площадку.

— В Аэвене говорят, что виноват, — спокойно, без злобы сказал разведчик. — Я слышал от Кирта. Его брат возит муку в Зерновой. Говорит — там на стене пекарни углём написано: «Лесоруб, верни свет».

* * *

Тиль промолчала.

Девочка сидела у котла, рядом с Уной, с посохом на коленях. Слушала. Она теперь всегда слушала — прачка учила её этому, «слушать воду», и я не знал, что это значит, но видел, как вокруг Тиль иногда становилось тихо, мягко, как в лесу перед снегом.

Тиль стояла у соляного столба в Хэлме три года. Её белый хэлм горел где-то в Аэвене. В каком-то фонаре на какой-то улице. Может, в Зерновом квартале. Может, на Золотом холме, в доме Орре.

Теперь — не горел.

Она подняла глаза. Посмотрела на меня. Через всю комнату.

— Пусть сидят в темноте, — тихо сказала Тиль. Без злости. Просто — сказала. — Я три года сидела. Они посидят зиму.

Уна вынула трубку изо рта. Посмотрела на девочку. Ничего не сказала.

Потом сунула трубку обратно.

* * *

Письмо от Кассиана пришло в тот же вечер.

С гонцом, на взмыленной лошади, через Южные ворота. Пакет — в промасленной коже, перевязанный бечёвкой. Печать — новая. Не «Золотой Круг». Просто — «Орре». Буквы, а под ними — солонка. Перевёрнутая.

Иса посмотрела на печать.

— Перевёрнутая солонка, — заметила она. — Он сменил герб.

— Это герб?

— Теперь — да, — пояснила Иса. — Глава дома может сменить герб. Раз в жизни, — она сломала печать. — Кассиан сменил. Через месяц после того, как стал главой.

Счетовод развернула лист.

Почерк Кассиана был ровным, холодным, без завитков. Как его луч.

«Седьмой Опоре. Тэйну.

Солончак закрыт. Последний обоз ушёл вчера. Сто двенадцать детей. До Тирры, оттуда — морем, по домам, кто помнит, где дом. Кто не помнит — в Аэвен, к Иверне.

Хэлм закрываю. Шестой ряд вышел весь. Йенс считал, Аурел вывел тенями тех, кто прятался. Седьмой горизонт — запечатан. Гарр говорит, туда не ходили двадцать лет. Завтра вскроем.

Здесь холодно. Соль на ветру режет губы. Тамм говорит, что ты бы здесь сплёл щит от ветра, а я не умею. Я режу ветер — он режется, но не кончается.

У моря видели чёрные паруса. Три дня назад. Рыбаки из Солончака. Далеко, у самого горизонта. Мэв Корд, говорят, видела ближе. Я не знаю, что это. Аурел знает. Он не говорит.

Кассиан Орре.

P.S. Ведро Дагмар отправил? Она мне писала. Спрашивала, не забыл ли ты. Я сказал — лесорубы не забывают долгов. Не подведи».

* * *

Иса дочитала. Сложила лист.

В общей комнате было тихо. Котёл булькал. Пахло рыбой, яблоками и Корровой кислотой — из-под пола, из мастерской, где Корр что-то варил второй день.

— Чёрные паруса, — медленно произнёс Сорен.

— Чёрные паруса, — эхом отозвалась Иса.

Уна у котла вынула трубку изо рта.

— Мэв Корд, — сказала прачка. — Пусть Мэв расскажет.

* * *

Мэв Корд пришла через два дня.

Рыбачка пришла сама — её лодка, маленькая, крутобокая, пахнущая рыбой и дёгтем, стояла у Рыбной пристани, и Мэв поднялась на мост по каменным ступеням, ругаясь на каж-

дой. Маленькая, коричневая, в кожаной куртке, в сапогах выше колен. С трубкой в зубах, которую она прикуривала от пальца — у Мэв был огонь, маленький, рыбацкий, «чтобы трубку не мочить».

— Где лесоруб? — крикнула она с площадки, не заходя внутрь.

Я вышел.

Рыбачка посмотрела на меня снизу вверх. Прищурилась.

— Похудел, — заключила она. — В Аэвене не кормят?

— Кормят.

— Видно, плохо, — хмыкнула Мэв. — Ладно. Я не за этим, — она вынула трубку изо рта. — Чёрные паруса.

— Расскажи.

Мэв села на перила площадки. Свесила ноги над рекой.

— Шесть дней назад, — начала она. — Я шла из Тирры в Солончак. Ночью. Туман. У Чёрных отмелей — ну, где мой утонул, — лицо у рыбачки не изменилось. — Там всегда туман. Я шла по колоколу маяка, по звуку. И слышу — вёсла.

— Вёсла?

— Вёсла, — повторила Мэв. — Много. В ряд. Ровно, как по счёту. Раз — два. Раз — два, — она показала рукой. — Наши так не гребут. Наши гребут, как придётся. А эти — как один.

— И паруса?

— Паруса — потом, — ответила рыбачка. — Когда туман разошёлся. На рассвете. Три корабля. Длинные, низкие, узкие — как ножи. И паруса чёрные. Не крашеные — чёрные. Как ночь, — она сунула трубку в рот. — Они на меня посмотрели. Я — на них. Потом они повернули в море. На юг. И ушли.

— Посмотрели?

Мэв затянулась трубкой. Долго.

— На носу переднего, — продолжила она, — стоял человек. В сером. Высокий. Волосы длинные, тёмные. Он смотрел на мою лодку. Я видела, — Мэв выпустила дым. — И знаешь что, лесоруб? Он мне помахал. Рукой. В белой перчатке.

* * *

Мэв уплыла на следующее утро. Сказала — в Тирру, потом в Солончак, потом снова в Тирру. «Кто-то должен смотреть на море, раз Империя не смотрит».

Я стоял на площадке и смотрел, как её лодка уходит вниз по реке.

Сзади подошёл Корр.

Я узнал его по запаху — кислота, медь, горелый волос. Корр был без бровей. Опять. Была среда.

— Чёрные паруса, — произнёс алхимик.

— Слышал?

— Мэв орёт так, что слышно в мастерской сквозь три пола, — буркнул Корр и встал рядом. Маленький, жилистый, с обожжёнными пальцами и с медными опилками в седой бороде. Смотрел на реку. — Ирвен.

Я повернулся к нему.

— Ты знаешь Ирвена?

— Я знаю, кто машет рукой в белой перчатке с носа корабля, — ответил Корр. — Это я знаю двадцать пять лет, — он посмотрел на меня. — Каэлен махал так же.

Мы стояли на площадке над рекой. Солнце садилось за Истмаром, и вода была красной.

— Расскажи, — попросил я.

— Нет, — покачал головой алхимик. — Не я. Вард расскажет. Когда вернётся, — он повернулся к двери. — А я тебе скажу другое. Иди вниз. В мастерскую. Хочу посмотреть, что ты привёз из Аэвена.

* * *

Мастерская Корра была под полом общей комнаты.

Низкая, тесная, каменная — бывший склад для лодочных вёсел, когда опора ещё была опорой, а не домом гильдии. Окно — одно, у самой воды, круглое, как иллюминатор. Через него было видно реку — и рыб, когда вода была прозрачной.

Всё остальное было завалено.

Медь. Листы, прутья, проволока, стружка. Склянки — сотни, на полках, на полу, на столе, — с жидкостями всех цветов: зелёными, красными, мутно-белыми, одна — чёрная, как смола, и в ней что-то плавало. Книги — стопками, раскрытые, с закладками из медной проволоки. Трактаты — четыре, рукописные, толстые. На каждом — пятна от кислоты.

Посреди мастерской — стол. Каменный. С выжженной в нём ямой — с кулак глубиной, с оплавленными краями.

— Среда, — пояснил Корр, проследив мой взгляд. — Садись.

Я сел на ящик.

Алхимик сел напротив. На другой ящик. Положил руки на колени. Обожжённые, с медью под ногтями.

— Плотнее, — сказал он.

— Плотнее.

— Покажи.

* * *

Я показал.

Эфироточца. Узкого, сумеречного, с жвалами, как иглы. Четыре нити. Корр протянул к нему медную проволоку, на которую когда-то наплёл защитный узор, — и жук распустил узор за десять вдохов, узел за узлом.

Корр смотрел на жука долго. Не трогал. Наклонился, чтобы рассмотреть ближе.

— Хм, — протянул он. — Вот это я и писал.

Потом — щитоносок. Шесть, в щит. И вдову — по швам. Корр подул на шов, потом ткнул в него шилом. Шило упёрлось.

— Хм, — снова сказал алхимик.

Потом — светляков. Четыре. Я поставил их на пол мастерской, по углам ящика, на котором он сидел. Корр поднял свечу — и тень от ящика, от него самого, от его руки со свечой — расплылась. Легла сразу в четыре стороны, бледная, слабая. Почти — не тень.

Корр смотрел на неё. Очень долго.

— Против Сэлин я так делал, — пояснил я. — В Чаше. Свет со всех сторон.

— Знаю, — ответил Корр. — Весь Аэвен знает, — он не отводил глаз от тени на полу. — А теперь подними их.

Я поднял светляков на уровень его плеч. Тень вернулась — четыре тени, но гуще.

— Опусти. К самому полу.

Я опустил. Тени ушли из-под ящика, из-под его сапог — разбежались лучами по полу и растаяли у стен.

— Вот, — сказал алхимик.

* * *

Корр встал. Взял свечу. Обошёл светляков.

— Тень — это то, куда не дошёл свет, — объяснил он. — Свет сверху — тень под ногами. Густая. Короткая. Прямо под тобой. В ней можно спрятаться. Из неё можно встать, — он поставил свечу на пол, рядом со светляком. — А свет снизу кладёт тень вверх. На потолок. Далеко от ног. Тонко, — Корр посмотрел на меня. — Из такой тени под ногами не встанешь. Её под ногами нет.

Я смотрел на пол. Чистый. Светлый. Без единого тёмного пятна.

Богомол встал из тени Тессина. Из длинной, косой, резкой тени от рассветного луча в зале бронзы.

— Если бы в зале бронзы свет шёл снизу, — сказал я медленно, — богомол бы…

— Не встал бы, — подтвердил Корр. — Или встал бы с трудом. Кривой. Слабый, — он поставил свечу на стол. — Я не знаю наверняка. Я никогда не дрался с Серпом. Но Каэлен говорил мне однажды — давно, двадцать пять лет назад, у этого самого стола: «Мы ходим по теням, Корр. Если где-то нет теней — мы там не ходим».

И сел.

— Каэлен сидел на том ящике, — добавил алхимик. — Где ты сейчас.

* * *

Я не знал, что сказать.

Корр, кажется, не ждал, что я скажу. Он смотрел на меня — без бровей, с медью в бороде, — и лицо у него было не таким, как обычно. Обычно Корр был злым, быстрым, насмешливым. Сейчас — тихим.

— Я не всё тебе рассказывал, — признался он. — В склянке тогда, в Хэлме, — написал «не больше, плотнее». Это его слова. Не мои. Каэлен так говорил про серебро: «Не больше. Плотнее». Он плёл нити, которые резали камень, — тонкие, как волос. Я спросил его однажды: как? У меня медь толще пальца, а режет хуже. Он засмеялся. Сказал: «Ты думаешь — больше. А надо — плотнее».

— Тессин написал мне то же самое, — ответил я. — В Чаше. «Хорошее слово. Его говорил мне один человек, давно».

Алхимик замер.

— Тессин знал Каэлена, — медленно произнёс он.

— Каэлен был свидетелем прошения Варда. В зале бронзы. Тессин был там.

Корр молчал долго. Потом встал. Подошёл к полке. Взял склянку — маленькую, тёмную, с медной пробкой. Повертел в пальцах. Поставил обратно.

— Двадцать пять лет, — пробормотал он. Не мне. — Двадцать пять лет этот старый паук знал. И ни разу…

Он не договорил.

* * *

— Корр, — позвал я.

— Что?

— Ты знаешь, что такое Фаэр?

Алхимик повернулся ко мне. Посмотрел. Долго.

— Знаю, — ответил он. — Я — Фаэр. Был. Пока не сжёг себе половину Искры, проверяя пятую главу третьего трактата, — он ухмыльнулся. Впервые за вечер. — Теперь я Кандел с хорошей головой. Как ты.

— Как туда дойти?

— Никак, — сказал Корр. — Туда не доходят. Туда — падают, — он сел обратно на ящик. — Кандел — это когда ты держишь. Много, долго, крепко. Двадцать нитей у тебя? Хорошо. Будет больше. Ты будешь держать, держать и держать — и упрёшься. В стену. В край. Туда, где больше не держится, — алхимик посмотрел на светляков на полу. — И тогда — если повезёт — найдёшь в своём почерке вторую грань. То, что в нём было всегда. Но ты не видел. Потому что не упирался.

— А если не повезёт?

— Сгоришь, — просто ответил Корр. — Как я. Наполовину. Или целиком.

* * *

Алхимик проводил меня до лестницы. На первой ступеньке остановил. Положил обожжённую руку мне на плечо.

— Капля, — сказал он.

Я машинально коснулся груди. Под рубахой — янтарь. Тёплый.

— Покажи.

Я достал её. Корр взял — осторожно, двумя пальцами, как берут бабочку. Поднёс к свече. Смотрел. Долго.

На тёмную крапинку внутри. Мы с Бренном в детстве спорили — мушка или грязь.

На два серебряных волоса на её дне. Тонких. Почти невидимых.

Алхимик смотрел, и лицо у него было таким, будто он смотрит в колодец и видит на дне кого-то знакомого.

— Это не грязь, — тихо произнёс он.

— А что?

Корр отдал мне каплю. Сжал мои пальцы вокруг неё. Своими — обожжёнными, с медью под ногтями.

— Спроси Варда, — ответил алхимик. — Когда вернётся, — он отпустил мою руку. — И не открывай. Что бы ни случилось. Не раскалывай. Не грей. Не клади в огонь. Слышишь?

— Слышу.

— Хорошо, — кивнул Корр. — Иди спать. Завтра четверг. По четвергам я ничего не взрываю.

* * *

Ночью я сидел на площадке и смотрел на реку.

Луна висела над Истмаром — жёлтая, осенняя, большая. По воде шла от неё дорожка. Где-то внизу, у Рыбной пристани, плеснула рыба.

Я держал каплю на ладони.

Тёмная крапинка. Два серебряных волоса.

Не грязь.

Сзади, на ступенях, кто-то сел. Я не обернулся. Узнал по дыханию.

— Не спится? — спросила Иса.

— Не спится.

Иса села рядом. Посмотрела на каплю у меня на ладони. Ничего не спросила.

Мы сидели долго.

— Тридцать четыре, — заговорила она. — Из ста. В Аэвене. Через месяц — пятьдесят. Через два — все.

— Знаю.

— Нет, — возразила Иса. — Ты не знаешь. Ты считаешь фонари, — она посмотрела на реку. — А я считаю, сколько дней до того, как кто-нибудь в Палате встанет и скажет: «Указ надо отменить. Ради света. Ради детей в Зерновом, которые мёрзнут». И сколько человек его поддержат.

— Сколько?

Счетовод не ответила.

Она смотрела на юг. Туда, где за Истмаром, за полями, за холмами, за неделей пути — было море. И чёрные паруса.

— Горько, — тихо сказала она.

Я убрал каплю под рубаху.

Глава 2. Фонари

Писарь магистрата пришёл в четверг, когда Корр ничего не взрывал.

Он постучал в дверь опоры трижды — сухо, вежливо, костяшкой, как стучат в Палате. Открыл Бо. Бо открывал дверь, только если стучали трижды: на два стука он не вставал с дивана, а на один — даже не просыпался.

Писарь был молодым, тощим, в чёрном камзоле с медными пуговицами и с папкой под мышкой. Он посмотрел на Бо — огромного, сонного, в одеяле — и сделал шаг назад.

— Седьмая Опора? — спросил он.

— Опора, — буркнул Бо.

— Великая гильдия Седьмая Опора? — уточнил писарь.

Великан подумал.

— Опора, — повторил он и ушёл обратно на диван.

С паводка он спал больше обычного. Корр говорил — Бо держал вторую сваю целую ночь и теперь «добирает». Серое у него сходило с ног до сих пор: пятнами, как иней с камня. Раньше серели только руки.

Писарь стоял на пороге. Иса вздохнула, встала из-за стола и пошла к двери.

* * *

— Магистрат Истмара, — начал писарь, раскрывая папку, — выражает великой гильдии Седьмая Опора своё уважение и поздравления с победой на Турнире Семи Холмов.

— Спасибо, — ответила Иса.

— И просит, — продолжил гость, — великую гильдию Седьмая Опора, как гильдию, получившую через победителя Турнира особое императорское внимание, принять участие в… — он сверился с папкой, — …в обеспечении освещения улиц и площадей города Истмара в зимний период.

Счетовод смотрела на него.

— Повторите, — попросила она.

— В обеспечении освещения, — повторил писарь, не поднимая глаз от папки. — Город Истмар имеет сорок два уличных фонаря. Тридцать восемь из них горели белым хэлмом. Запасы хэлма в городе — на шесть недель. Новых поставок — нет. По известной причине, — он поднял глаза. Посмотрел через плечо Исы — в комнату. На меня. — Магистрат полагает, что гильдия, по чьему прошению поставки прекращены, может найти способ их заменить.

* * *

В комнате было тихо.

Уна у котла вынула трубку изо рта. Корр — он сидел за столом с четвёртым трактатом и ел кашу — перестал жевать. Тиль подняла голову. Лейн, сидевший на ступенях галереи с Пипом и Тоби, — замер.

Иса не обернулась.

— Магистрат полагает, — медленно, раздельно повторила она, как читала мне вслух статьи Устава. — А что полагает магистрат насчёт тех, кто горел в его фонарях?

Писарь моргнул.

— Простите?

— Белый хэлм, — сказала Иса. — Вы знаете, из чего его режут?

— Из соли, — ответил писарь. — Из особой соли, насыщенной…

— Из детей, — перебила счетовод.

Писарь замолчал.

— Из детей, которые стояли у соляных столбов в Хэлме, — продолжила Иса. Ровно. Сухо. Без единой лишней ноты. — Из их Искры. Капля за каплей. Год за годом. Тридцать восемь

ваших фонарей. Вы хотите знать, сколько детей нужно, чтобы горели тридцать восемь фонарей в Истмаре одну зиму?

Гость молчал.

— Я посчитала, — сказала Иса. — Я счетовод. Я всегда считаю, — она сделала шаг к нему. — Девятнадцать. Девятнадцать детей. Одну зиму. Тиль, — она не обернулась, но показала рукой назад, через плечо, на котёл, — горела в ваших фонарях три года. Хотите с ней поговорить?

* * *

Писарь ушёл.

Он не сказал ничего. Сложил папку. Поклонился — неловко, торопливо. И ушёл по каменным ступеням на набережную, не оглядываясь.

Иса закрыла дверь.

Постояла, держась за ручку. Потом вернулась к столу. Села. Открыла «Книгу счёта гильдии великой». Обмакнула перо.

Рука у неё дрожала.

— Иса, — начал я.

— Не надо, — остановила она меня. — Он прав.

— В чём?

— В том, что фонари погаснут, — ответила счетовод. — И что люди будут мёрзнуть в темноте. И что они будут винить нас, — она смотрела в книгу. — Я права в том, что это — дети. Он прав в том, что это — фонари. Мы оба правы, — Иса положила перо. — Это хуже всего, лесоруб. Когда оба правы.

Тиль у котла встала. Подошла к Исе. Положила ей руку на плечо.

Счетовод не подняла головы. Но накрыла руку девочки своей.

* * *

На Рыбном рынке в тот день в меня бросили яблоком.

Не камнем — яблоком. Гнилым, коричневым, мягким. Оно ударило в плечо, разлетелось, и по рубахе потекло липкое.

Я обернулся.

Мальчишка. Лет одиннадцати. Худой, в драной куртке, за прилавком с рыбой. Он стоял и смотрел на меня — с вызовом, с испугом, сжав кулаки. Рядом — женщина, толстая, в фартуке. Мать, наверное. Она не одёрнула его.

— Верни свет, — тонко выкрикнул мальчишка. Голос сорвался.

Лейн шёл рядом со мной. Он нёс корзину с яблоками — свежими, красными, из плоскодонки.

Я почувствовал, как у него на ладони вспыхнуло.

Не огонёк — огонь. Жаркий, жёлтый, злой. Корзина у него в руках задымилась. Яблоки на дне — затрещали.

— Лейн, — позвал я.

Он не слышал. Он смотрел на мальчишку. Огонь на его ладони рос. С орех. С яблоко. С кулак.

— Лейн, — повторил я. — Раз.

Мальчик замер.

— Раз — я держу, — тихо произнёс я.

Лейн смотрел на мальчишку. На свою ладонь. На огонь.

— Два — я держу, — процедил он сквозь зубы.

— Три.

— Три — оно моё, — выдохнул Лейн.

И огонь лёг. Сжался. Снова — с орех. Ровный, спокойный.

Корзина перестала дымиться.

* * *

Мальчишка за прилавком смотрел на Лейна. Широко раскрытыми глазами. Белый.

Он видел огонь. Он знал, кто такой Лейн, — весь Истмар знал. Мальчик из Солончака, который год назад сжёг полквартала в Аэвене. Которого чуть не посадили в Крыло Вёсен. За которого поручилась Седьмая Опора.

Лейн подошёл к прилавку. Медленно. Огонёк на ладони — с орех.

Поставил корзину на прилавок. Перед мальчишкой. С яблоками — свежими, красными, только чуть подкопчёнными снизу.

— Это тебе, — сказал он. — Гнилыми не кидайся. Жалко.

И ушёл.

Я пошёл за ним. Липкое на плече начало подсыхать.

У поворота я обернулся.

Мальчишка стоял за прилавком и держал в руке красное яблоко. Не ел. Просто держал. А его мать смотрела на нас — и лицо у неё было таким, будто ей стыдно, но она не знает, за кого.

* * *

Вечером Корр поднялся из мастерской раньше обычного.

Алхимик сел за стол напротив меня, поставил передо мной миску с кашей — свою, недоеденную — и сказал:

— Сорок два фонаря.

— Сорок два.

— Огонь у тебя есть, — продолжил Корр и кивнул на Рию у котла, на Лейна на ступенях. — Двое. Огонь — не беда. Беда — чем его кормить. Масла на зиму в Истмаре не хватит и на кухни. Дров — тем более, — он постучал ложкой по миске. — Хэлм горел сам. Его не надо было кормить. Теперь — надо.

— Смолой, — предложил я.

Алхимик поднял голову.

— Сосновой, — пояснил я. — Не той, что у меня в щитоносках. Настоящей. С дерева. У нас в Хольдмарке ею светили зимой, когда кончалось сало. Чадит, если сырая. А если её вытопить — горит ровно и долго.

— Знаю, — ответил Корр. — Я тридцать лет варю всё, что горит, — он прищурился. — Сколько её надо на сорок два фонаря на зиму? Бочки. Десятки бочек. Где ты возьмёшь бочки смолы в ноябре?

— В бору за Северной заставой, — ответил я.

* * *

Смолу берут с живой сосны. Это знает каждый лесоруб.

Кору режут ёлочкой: желобок сверху вниз, и от него в стороны — косые надрезы, как ветки на ёлке. Сосна плачет в них смолой, смола бежит по желобку вниз, в горшок у корня. Отец делал это каждую весну на дальней делянке: десять сосен за день, если не лениться. За лето — бочка.

У меня было двадцать нитей.

Двадцать бурых.

На следующее утро мы ушли в бор — я, Рия, Лейн, Пип и Тоби с мешком глиняных горшков, которые Грета Пайк отдала даром, услышав, зачем. Бор начинался в миле за Северной заставой: старые сосны, рыжие, прямые, с корой толщиной в палец.

Я посадил бурого на первую сосну. На уровне груди.

— Ёлочкой, — велел я ему. Жук не понимал слов. Но понимал меня.

Бурый пошёл вниз по коре — и за ним остался желобок. Ровный, неглубокий, по волокну. Потом — косые надрезы, вправо, влево, вправо, как стежки. Светлая стружка сыпалась мне на сапоги. Запахло так, как пахнет только на свежей делянке.

Сосна заплакала. Сначала каплями, потом струйкой. Смола побежала по желобку — прозрачная, медовая, живая — и закапала в горшок у корня.

— Ух, — выдохнул Тоби.

Отец делал одну сосну за долгий вдох — за сто, двести вдохов, с ножом, на коленях. Бурый сделал её за двадцать. Я пустил второго. Третьего. Через полдня в бору стояли сорок сосен с горшками у корней, и в каждом горшке капало.

К вечеру у меня дрожали руки — двадцать бурых, весь день, по коре, — и болела голова. Но горшки были полны на треть.

— Сколько ты так можешь? — спросила кузнечиха.

— Неделю, — ответил я. — Две. Потом сосне надо отдохнуть. Отец говорил — сосну нельзя доить, как корову. Она живая.

* * *

Корр вытапливал смолу три ночи подряд. В мастерской под мостом, в медном котле, с крышкой и трубкой, через которую уходил чад. Мастерская пропахла бором так, что Бо стал спать на площадке.

Дорн выковал фонари. Простые, железные, с медным дном и стеклом с трёх сторон — Корр отдал на стёкла свои старые лупы и колбы. Внутри — плошка с вытопленной смолой и фитиль из пеньки.

Первый фонарь зажгла Рия. Поднесла палец к фитилю — и фитиль занялся. Ровно, жёлто, без чада.

Алхимик смотрел на огонь. Долго. Без бровей. С пятном кислоты на щеке.

— Одними твоими руками город не осветишь, — мягко сказал он. — Твоими жуками — бор не выдоишь до конца. Сосны кончатся раньше зимы.

— Знаю.

— Хорошо, что знаешь, — кивнул Корр. — Но для Истмара — хватит. Для моста — хватит, — он посмотрел на меня. — Знаешь, что важнее света?

— Что?

— Чтобы люди видели, кто его зажёг, — ответил алхимик.

* * *

Мы повесили шесть фонарей на мосту.

На железных крюках, которые Дорн выковал за утро в кузне у Дёгтевой пристани. На перилах — по три с каждой стороны, над третьей опорой и над второй. Там, где раньше на мосту не было ни одного фонаря — мост в Истмаре всегда стоял тёмным, магистрат говорил, что «мосту свет не положен, мост не улица».

Ночью они зажглись.

Лейн зажигал их по одному, обходя мост с краю на край, — от его пальцев фитили занимались сразу, без дыма. Когда солнце село за Истмаром и река стала чёрной, шесть жёлтых огней над водой засветились. Тепло. Мягко. И по воде от них шли шесть золотых дорожек.

Люди пришли смотреть.

Не сразу. Сначала — двое рыбаков с Рыбной пристани. Потом — торговки, возвращавшиеся с рынка. Потом — дети. Потом — все.

Они стояли на набережной и смотрели на мост.

* * *

Я стоял на площадке. В жёлтом свете, пахнущем бором.

Ко мне подошла женщина. Толстая, в фартуке. Та, с Рыбного рынка. Мать мальчишки с гнилым яблоком.

Она стояла на ступенях, на полпути от набережной до площадки. Не поднималась выше. Смотрела на фонарь над моей головой.

— Это что? — спросила она.

— Огонь, — ответил я. — В смоле.

— Чей огонь?

— Рии, — сказал я. — И Лейна.

Женщина смотрела на фонарь. Потом — на Лейна. Мальчишка стоял у перил, рядом с Пипом и Тоби, и показывал им, как подрезать фитиль.

— Того, что из Солончака, — проговорила она.

— Того.

Торговка молчала. Долго.

Потом спустилась обратно на набережную. Так ничего больше и не сказав.

На следующее утро на перилах площадки, у двери опоры, стояла корзина. С рыбой. Свежей, серебряной, ещё бьющейся.

Без записки.

* * *

Мэб сидела на своём табурете у двери. Она всегда сидела там по вечерам — маленькая, сухая, в платке. Смотрела на реку. Свечи в комнате за её спиной иногда наклонялись к ней — сами. Никто не обращал внимания.

Я сел рядом. На ступеньку.

— Фонари, — произнесла старуха. Не мне. Реке.

— Фонари.

— Хорошие, — сказала Мэб. — Тёплые, — она посмотрела на фонарь над площадкой. — Бором пахнут. Как в молодости.

Я повернулся к ней.

— Вы бывали в бору?

— Я старая, — ответила Мэб. — Я везде бывала, — она прищурилась. Маленькие чёрные глаза, как у вороны. — Ты помнишь, что я тебе говорила? Весной? Когда вернулась?

Я помнил.

— Если встречу человека, который говорит, как поёт, — ответил я, — не есть с ним.

— Ел? — прищурилась старуха.

Я подумал.

В водоводах. На выступе над водой. Брам разломил хлеб и сыр на три части. Сэлин взяла свою долю — двумя пальцами, не снимая перчаток. Брам отдал ей ещё половину своей.

— Ел, — признался я. — Хлеб.

Мэб смотрела на меня. Долго.

— Ну, — сказала она наконец. — Теперь поздно, — и отвернулась к реке. — Теперь она с тобой связана. Хлебом. Так у них говорят — за морем. Кто ел с тобой хлеб — тот уже не может убить тебя, не заплатив, — Мэб вздохнула. — Плохо это. Или хорошо. Я не знаю. Я никогда не ела с ними.

— А Каэлен? — спросил я.

Старуха медленно повернула голову.

— Что Каэлен?

— Он ел с кем-нибудь? Здесь? В Империи?

Мэб смотрела на меня. Свечи за её спиной — все шесть, в комнате — наклонились. К ней. Легли набок.

— С Вардом, — ответила она. — За этим столом, — старуха кивнула назад, через плечо, на стол в общей комнате. — Каждый вечер. Три года.

* * *

Тиль пришла на площадку на третью ночь. Когда мы с Рией заливали смолой очередную плошку.

Девочка встала у перил. С посохом. Смотрела на фонари над водой. Долго.

— Это — чей огонь? — спросила она.

— Рии, — ответил я. — Этот — Лейна.

— А в Аэвене, — тихо произнесла Тиль, — в фонарях был мой.

Рия перестала дышать. Огонь у неё на пальцах — тот, которым она зажигала фитиль, — дрогнул.

Тиль подошла. Посмотрела на плошку у меня в руках — медную, с застывшей смолой, ещё не зажжённую. На огонь на пальцах Рии.

— Мой — был белый, — сказала она. — Холодный. Он не грел. Он только светил, — Тиль протянула руку. Не коснулась — поднесла ладонь к фонарю на перилах. Подержала. — А этот — тёплый.

— Он — ничей, — тихо отозвалась Рия. — Он мой, но я его отдала. Сама. Мне не больно.

Девочка кивнула.

— Мне нравится, — сказала она. — Что ничей, — она посмотрела на меня. — Лесоруб. Сделай один для Хэлма. Для шестого ряда. Я отвезу, когда поеду. Повешу у ворот. Чтобы те, кто ещё там, видели — бывает огонь, от которого не больно.

Дорн отковал ещё один фонарь. Рия зажгла.

Тиль взяла фонарь обеими руками. Тяжёлый, тёплый, жёлтый. Прижала к груди. И стояла так, с фонарём, у перил, пока Уна не позвала её спать.

* * *

Магистрат пришёл сам на пятый день.

Старый, седой, с цепью городского головы на груди — медной, потёртой, с гербом Истмара: мост и рыба. Его звали Ольдер Камм. Он сорок лет торговал солью, прежде чем стать магистратом, и все в Истмаре знали, что соль он возил не только морскую.

Городской голова стоял на площадке и смотрел на фонари. Не поднимал глаз на меня.

— Тридцать два, — проговорил он. — На улицах.

— Тридцать два, — повторил я.

— Писарь мой, — продолжил Ольдер Камм. — Тот, что приходил. Он молодой. Не знал. — И потом, с усилием, как поднимают мешок с солью: — Я знал. Сорок лет. Знал, что в фонарях. Говорил себе — соль. Особая. Насыщенная.

Старик смотрел на фонарь над площадкой.

— Этот — тёплый, — удивлённо сказал он. Как Тиль.

— Огонь, — ответил я. — На сосновой смоле. Из бора за вашей Северной заставой.

Магистрат кивнул. Потом наконец посмотрел на меня.

— В Аэвене, — сказал он, — в Палате, собирают подписи. Мне писали. Купцы с Золотого холма. Магистраты с юга. Чтобы указ — отменить. Ради зимы, — он сжал цепь на груди. — Мне тоже прислали лист. Подписать.

— Подписали?

Ольдер Камм достал из-за пазухи лист. Сложенный. Развернул — я увидел столбик имён, печати, подписи. Посмотрел на него. На фонарь.

И разорвал. Пополам. Ещё раз. Бросил в реку.

— Сорок лет, — сказал старик. — Хватит.

И ушёл, не попрощавшись. Как уходят люди, которым стыдно и которые не умеют это сказать.

* * *

Письмо от Варда пришло через неделю.

Не с гонцом. Его принёс Кирт Ольм, с баржи, — сказал, что какой-то человек на пристани в Аэвене сунул ему в руку и заплатил сол, чтобы доставил на мост. «Большой такой. Лысый. С обожжённым ухом. Молчал».

— Горст, — сразу поняла Уна.

Письмо было коротким. Почерк — крупный, тяжёлый, будто писали гвоздём.

«Уна.

Задержусь. До весны, может. Здесь надо держать.

Иверна — лорд-хранитель. Пока не объявлено. Тессин оставил много нитей. Она режет.

Лесорубу: капля — не грязь. Не открывать. Не греть. Расскажу сам.

На юге — плохо. Пусть едет. Когда позовут — пусть едет сразу.

В.»

Прачка прочитала вслух. Вынула трубку изо рта.

— Когда позовут, — повторила она и посмотрела на меня.

— Кто позовёт?

Уна сунула трубку обратно.

— Узнаешь, — коротко ответила она.

* * *

Ночью я стоял на площадке. Смотрел на фонари.

Шесть жёлтых огней над рекой. И ещё тридцать шесть — на улицах Истмара; бурые доили бор вторую неделю, Корр вытапливал смолу, Дорн ковал, Рия и Лейн зажигали, и магистрат сам присылал людей вешать. Без писаря. Без папки. Просто — пришли двое с лестницей и спросили: «Куда?»

Тени на площадке были обычными — чёрными, резкими, под ногами. Я теперь их замечал.

Я смотрел на реку. На юг. Туда, где за неделей пути — море. Чёрные паруса. Ирвен, машущий рукой в белой перчатке.

Один из фонарей — на дальнем конце моста, у Южного берега, — мигнул.

Я повернул голову.

Фонарь горел. Жёлтый, тёплый. Но на его боку, на медном ободе, сидело что-то маленькое. Серое. Пушистое.

Мотылёк.

Он сидел на фонаре, сложив крылья. Ночной. Серый. Обычный — таких над рекой летали сотни.

Я смотрел на него. Через весь мост. Через сотню шагов.

Мотылёк расправил крылья. Медленно. И я увидел — на свету, у стекла, — как с его крыльев посыпалась пыль. Серая, мелкая, мерцающая.

И полетела вниз. На реку.

Мотылёк сорвался с фонаря и исчез в темноте. На юг. Над водой.

Я стоял и смотрел ему вслед.

Потом спустился к воде — к тому месту под дальним фонарём, куда упала пыль.

На поверхности реки, у самой опоры, плавала рыба. Серебряная. Большая. Кверху брюхом.

Не мёртвая. Спала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.